

Мезенцева Алена Владимировна

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ МОТИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЖУРНАЛИСТА**

В статье исследуется вербализация ценностных доминант профессиональной деятельности двух поколений современных отечественных журналистов. Анализ феноменов базисных интенций журналистов с позиции концепции семиосоциопсихологии позволяет выявить канонические/факультативные ценностные основания журналистской профессии. Обосновывается положение о том, что сфера ценностного самоопределения журналистов становится ареной противостояния социального долженствования профессии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 3. С. 41-47. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Кодола Н. В.** Журналистика как филологический феномен // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 2. С. 153-159.
2. **Кодола Н. В.** Интервью. Методика обучения. Практические советы: учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., испр., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2011. 174 с.
3. **Кодола Н. В.** Феноменологический метод журналистики. Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. 559 с.
4. **Кодола Н. В.** Феноменологический метод филологии // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 5 (44). Т. 2. С. 242-248.
5. **Лопатин В. В., Лопатина Л. Е.** Малый толковый словарь русского языка: Ок. 35000 слов. М.: Русский язык, 1990. 704 с.
6. **Немецко-русский словарь:** 20000 слов / Н. В. Глен-Шестакова [и др.]. Изд. 29-е, стер. М.: Русский язык, 1978. 528 с.

SUBJECT MATTER OF THEORY OF JOURNALISM AS A PHENOMENON OF COMMUNICATION PHILOLOGY

Kodola Natal'ya Valer'evna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Moscow State Pedagogical University
nvkodola@mail.ru

The article is based on the idea that the theory of journalism has to substantiate and study the principles of human communication in verbal and written speech. Basing on the analysis of views on the essence of the theory of journalism the area of contradictions that distort the results of its research by scientific methods is determined. The author shows the search direction of the subject matter of the theory of journalism in the philological study of the phenomenon of communication, which aim is to substantiate the feasibility of human communication representation as a phenomenon of communication philology.

Key words and phrases: philology; communication; theory; journalism; phenomenon; phenomenology; method.

УДК 070

В статье исследуется вербализация ценностных доминант профессиональной деятельности двух поколений современных отечественных журналистов. Анализ феноменов базисных интенций журналистов с позиции концепции семиосоциопсихологии позволяет выявить канонические/факультативные ценностные основания журналистской профессии. Обосновывается положение о том, что сфера ценностного самоопределения журналистов становится ареной противостояния социального долженствования профессии.

Ключевые слова и фразы: интенция; социокод; семиосоциопсихология; кросс-культурный анализ; долженствование; базовые и факультативные ценности.

Мезенцева Алена Владимировна

Алтайский государственный университет
mezentseva-a@inbox.ru

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ МОТИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЖУРНАЛИСТА**

«Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете» – эти строки из популярной в недавнем прошлом песни о журналистах были не метафорой, а выражением социальной миссии профессии – служение обществу. Преданность долгу выражалась не только в произведениях, созданных в канонах ответственности и принципиальной открытости своей позиции. Рассуждая о мотивах своих поступков, журналисты создали многомерную деонтологию профессии, своеобразный свод ценностных оснований творческой деятельности.

В современной российской журналистике действует несколько поколений профессионалов: классиков «гутенберговской», так называемой «печатной» эпохи и тех, кто обрёл свободу коммуницирования благодаря цифровым технологиям производства и распространения массовой информации. Система профессиональных ценностей журналистов, постулированная как незыблемая основа профессионализма, оказалась подверженной развенчанию теми, кто не связан представлениями о социальном долге, нравственном и моральном «табу», усвоенными в процессе деятельностного воплощения законов профессии. Да и само понятие «ценностной основы» социально ответственной коммуникации рассматривается как анахронизм эпохи сплошной «пропаганды».

Сегодня, когда все чаще звучат мнения о том, что журналистика утратила свое онтологическое предназначение, что принципы идейности и гуманизма уже не являются основополагающими, научное осмысление ценностных оснований той «деонтологической классики» становится особенно актуальным для понимания их непреложности или же факультативности в эпоху цифровых медиа.

«Письменная» саморефлексия в форме самоинтервью, представленная в биографиях журналистов, в их размышлениях о профессии, является богатым эмпирическим материалом для исследования. Опыт анализа «самопрошания» помогает реконструировать атмосферу творческой жизни, коллизии творческого пути, дает возможность зафиксировать те ценности, которые формулировались, исходя из представления о «правильном»,

должном и ценном. Следуя логике омского историка В. П. Корзун, обращение к подобным источникам дает не только «возможность зафиксировать сам процесс выработки знаний, «почувствовать» дух творчества», но и является одним из механизмов становления журналиста, «средством саморефлексии, выбора стратегии поведения и самоидентификации» [10, с. 10-13].

Наиболее адекватным приемом, «ключом» к раскрытию проблемы константы/факультативности ценностных оснований журналистской профессии может служить методология социальной феноменологии, качественные методы которой дают возможность проследить за перипетиями самоосуществления представлений о достоинствах и трудностях долженствования в мире информации. Именно феномены интенционального выражения поведенческих и творческих реакций журналистов раскрывают подлинную суть как подвижничества, так и рутинной работы.

Один из методов выявления этих закономерностей представлен в концепции семиосоциопсихологии, разработанной Т. М. Дридзе, предполагающей выявление интенций автора в созданном им тексте. По определению Т. М. Дридзе, под интенцией понимается «равнодействующая мотива и цели (точнее – искомого результата) деятельности, общения и взаимодействия людей с окружающим их миром» [9, с. 16]. Вербализованная интенция, как правило, выражается в когнитивных категориях. Они являются маркерами социальности, характерными для социокультурной основы творческих интенций автора. Исследователем М. К. Петровым эти маркеры названы социокодами, поскольку позволяют в более полной форме выявить способ фиксирования программ социального поведения, общения и деятельности [18]. Типичные инварианты социокодов, через которые происходит репрезентация саморефлексии журналистов, представлены в абстрагированной концептуальной форме, образах, прецедентных феноменах. Они позволяют выявить как константные, так и «факультативные» социокоды ценностной рефлексии журналистов.

Предельно откровенным опытом самооценки и самоанализа можно считать книгу «Точка возврата», которую подготовили к 35-летию своего выпуска бывшие студенты факультета журналистики Уральского государственного университета [24] и которые до сих пор продолжают свою профессиональную деятельность. Это журналисты, воспитанные идеями, витавшими в социальной атмосфере общества на излете «эпохи оттепели», ставшие поколением, которому свойственны «простая и наивная вера в светлое будущее, готовность к самоотверженной борьбе и труду, а не к двусмысленным “псевдологиям”. Его сознание исполнено наивным энтузиазмом и неискоренимыми иллюзиями... нашедшими выражение в идее бесконфликтности» [23, с. 104]. Так какие же смыслы вкладывают журналисты в свою работу и действительно ли в своей жизни и профессии они были и остаются верны ценностям столь неодобряемой сегодня «идейной» журналистики? В результате анализа 54 текстов самоинтервью были выделены социокоды, представленные в образах, стереотипах, мифах, архетипах.

В субкультуре советских практиков-журналистов, согласно финскому исследователю С. Пасти, журналистика оценивалась с позиции романтического служения и радости литературного труда [17]. Романтизация трудовых будней, присущая журналистам эпохи «оттепели», а потом и «пятилеток» социалистического созидания, проявлялась в стремлении к преодолению природных и бытовых трудностей. Отсюда и страстное стремление оказаться по распределению в «местах сугубо отдаленных», отмеченных такими историческими маркерами, как «комсомольская стройка», «передовая», «опорный край Державы»: *«Тюмень – глубокий, но надежный тыл. Отсюда на “передовую” – то есть на месторождения, прокладку дорог и трубопроводов, сооружение компрессорных и дожимных станций, строительство городов, поселков, подсобных хозяйств – идут техника, материалы, оборудование... Со всей страны в необжитый, суровый край едут люди. Современный Вавилон: смешение культур, языков, судеб. Здесь нет рутины и застоя. Все живо, нестандартно, интересно. Для журналиста – Клондайк»* [24, с. 117]. И в то же время социальная память выносит на поверхность сакральную ценность дома и человеческого рода: *«Почему я попала именно в Тюмень?.. Сибирь большая. Может оттого, что путь сюда проложил мой дед Мефодий, политкаторжанин? ...казнили деда уже в 1937, теперь уже как врага народа... Тогда говорили, что через Тюмень прошла вся виноватая Россия. Но деда сюда гнали в кандалах, а я, считай, добровольно приехала»* [Там же, с. 119].

Метафорическое обозначение жизненной стези неслучайно ассоциируется с концептами «дорога», «путь», с ценностью встреч, знакомств с главными лицами эпохи: *«Благодаря этим путям профессия сводила меня со знаменитостями и уникальными личностями. Я брала интервью у Василия Аксенова и мало кому известного французского писателя Александра Блока... нобелевского лауреата Жореса Алферова и др.»* [Там же, с. 250-251]. Цепь ассоциаций не обрывается на лицах и характерах. Концепт «дорога» актуализирует семантический ряд таких ценностей, как «патриотизм», «любовь к родной природе»: *«...приходилось идти пешком от села до села. Эти, как скажет точно журналист Василий Песков, “шаги по росе”, открыли очарование родной земли, несравнимое ни с какими красотами Манхэттена и тюльпановыми плантациями Европы. Именно здесь, ранним январским утром, идя пешком до дальнего села, я впервые затаила дыхание, увидев, как встает из-за леса багровое солнце и как режут глаза заснеженные дали»* [Там же, с. 108].

Простая лексическая единица – слово «дорога» – с момента своего вхождения в профессиональный лексикон породила своеобразный хронотоп российской журналистики, присовокупив ещё и романтизированную мотивацию к стремлению «трое суток шагать» под девизом «письмо позвало в дорогу». Этот артефакт – «письмо позвало в дорогу» – стал каноническим социокодом профессии. Он открыл миру не только коллизии человеческих судеб и сюжетную сложность социальных потрясений, но и сформировал редчайший в мировой журналистике жанр публицистических самовыражений – документально реалистичных и художественно ярких. Сам концепт «письмо» (безоговорочно отправленный в архив цифровой эпохой) означал для журналистов нечто большее, чем просьба, кляуза или исповедь обделенного чем-либо человека. Оно *звало!* И этот

призыв был стимулом к самоотверженности. Так, городского корреспондента, озабоченного недобросовестной работой районной почты, в наряде по последней парижской моде, в дороге застигла весенняя распутица: *«Спустя полчаса машина забуксовала... Без туфель, которые остались в кабине, решила пойти по дороге в надежде на близкую помощь... В таком виде предстаю перед начальником: “Я корреспондент из Тюмени”. А тот: “Босой и без документов?”. Сжался, дал почтальонские сапоги. Я разобралась с клюзой. Правда, пришлось заночевать на почте, прямо на столе, а под голову положить посылки»* [Там же, с. 114-115].

«Трудность» как концепт-характеристика, присущий любой профессии, журналистами также воспринималась как должное, и потому – с юмором: *«Один из первых дней в “районке”, где мне предложили место ответсека, запомнился такой картиной. Газетный день, бегу в типографию, чтобы выслать материал в набор. А линотипистки нет. “Где?” – “Так обеденный перерыв, корову пошла доить”»* [Там же, с. 200].

Такой же непреложностью профессионализма считалось и бескорыстие. Не слава, не деньги, а «внутренний цензор» и чувство справедливости подсказывали линию поведения: *«Писала, что думала, что чувствовала, что слышала, без всякой цензуры и правки. Единственный цензор внутри – ответственность за каждое слово»* [Там же, с. 32], *«...каждый журналист работал, сверяясь только со своей совестью»* [Там же, с. 48]. Культурный обозреватель газеты «Туркменская искра», в поисках решения судьбы разрушенного туркменского заповедника, ради справедливости готов преодолеть даже детективные сюжеты: *«...мне по жизни пришлось совершить подвиги, которые Гераклу и не снились... за памятник всемирного значения болеет один человек – директор местной школы... я познакомилась с этим Дон-Кихотом...», а через год узнала, что «раскопки ведут экскаватором... Директора заповедника я повела к раскопкам, можно сказать, за шкирняк и ткнула его, как паршивого кота, в срез почвы ковшом экскаватора. С тех пор памятник освободили от песчаных заносов только археологическими кисточками»* [Там же, с. 301].

Социальная нацеленность профессии, прямо выражаемая журналистами в альтруистических поступках, номинируется, например, в лексической трансформации лозунга, бывшего символом мужества в годы Великой Отечественной войны: *«Все для газеты, все для читателя!»* [Там же, с. 51]. В качестве примеров репрезентации ценности «самоотдачи» журналистов рассматриваются прецедентные имена и прецедентные тексты, используемые нередко в метафорическом значении. Так, журналистом – ликвидатором последствий аварии на Чернобыльской АЭС самозабвенное служение читателю выражается в использовании прецедентного текста «отступить некуда». Для того чтобы донести до широкой массы правдивую информацию, журналисту пришлось нарушить ряд правил: *«Дежурный дозиметрист изъяс у меня все, что находилось в полевой сумке. Осталась спрятанная за голенище сапога синяя тетрадь с самыми ценными записями. Их надлежало перенести на незараженные листы бумаги... отступить некуда»* [Там же, с. 17].

С поиском правды связана и апелляция к архетипу героя, с которым ассоциируется собственное противостояние трудностям: *«У меня есть на кого равняться. Маресьев летал без обеих ног, стал Героем. А мои на месте. Целых две. Поэтому каждый вечер я тихонько бурчу: скорее бы утро, да снова на работу...»* [Там же, с. 19]. Журналистка, освещавшая все чеченские кампании, используя прецедентный текст «потом и кровью», показывает такую цену своего противостояния: *«профессия состоит из событий, встреч и строк, добытых “потом и кровью”... Причем цена добытых строк часто неравнозначна»* [Там же, с. 237]. *«Международный Фонд защиты журналистов выделил мне каску, женский бежевый бронезилет, бронешорты. Редактор “Уральского рабочего” всегда командировки в Чечню подписывал с трудом и обязательно нравуучительно говорил: “без бронезилета не пуцу”»* [Там же, с. 241].

Таким образом, анализ феноменов базисных интенций журналистов-романтиков позволяет обобщить свод канонических социокодов профессии, сводимых к ценностям «долг», «служение», «патриотизм», «ответственность», «бескорыстие», «справедливость», «противостояние». Выраженные в вербализованных структурах «дорога», «письмо позвало в дорогу», «скорей бы утро, и снова на работу», в артефактах и прецедентных феноменах, почерпнутых из глубин культуры, они оказываются сегодня на рубежах противостояния новым ценностям и антиценностям, привнесенным глобальной массовой коммуникацией. Информационные технологии вывели на арену информационных сражений новых «летописцев современности». Журналисты прежней генерации оказались потесненными тысячами коммуникаторов, не обремененных понятиями долга и профессиональной ответственности. Вопрос судьбоносный для профессии: какие ценностные основы вступают в конкурентную борьбу в пространстве современной российской журналистики?

«Глянцевая», «желтая», «гражданская», «коммунитарная», «деловая», «качественная», и другая журналистика демонстрирует многообразие поведенческих стратегий. Первой среди ценностных основ поведения подверглась пересмотру константа социальной ответственности. Доступность оцифрованных источников информации поставила под сомнение необходимость «трое суток шагать» ради выполнения профессионального долга. Конкуренция с коммуникаторами, не обремененными понятиями «долженствования», породила необычайную «легкость» отношения к тексту, порождаемому чаще всего ради привычного желания невзирая ни на что «быть первым». По мнению профессора И. М. Дзялошинского, одним из первых зафиксировавших эту трансформацию, такая стратегия выразилась в заимствовании методов конкуренции в форме игры: с фактами, с аудиторией, с формами самопрезентации. Это немедленно выразилось в полном безразличии к «любимым этическим и профессиональным кодексам». Отсюда и нарочитое отступление от правил, когда, «переводя себя в пространство игровой самореализации, журналист снимает с себя обязательство соблюдать правила одной игры» [14, с. 68].

Как это проявляется на уровне саморефлексии журналистов? Представление об этом дают тексты интервью с двадцатью семью журналистами центральных СМИ, отмеченные шеф-редактором профессионального издания «Журналист» А. Аничкиным в таких материалах, как «Они диктуют моду», «Выше звезд», «Медаль за отвагу» и др. за период с 2010 по 2015 год.

Социокод «все для газеты, все для читателя», еще недавно прокламируемый как должное, отныне сводится к либеральной формуле «если дана полная свобода действий, то пипл схавает», а механизмом реализации таких ценностей выступает самопрезентация журналиста. Журналисты часто заимствуют методы криминальных структур в поиске информации. Например, не заботясь о репутации источника информации, в поиске «правды» журналист прибегает к методам сбора информации в такой маргинальной коннотации, как «развести» и «подставить», «вывести на чистую воду»: *«Звони человеку и разводи его, чтобы узнать информацию. А когда он тебе говорит – старик, я не могу тебе это рассказать, потому что меня убьют – ты отвечай – я никому никогда это не скажу – и тут же включай запись»* [26]; *«Сколько я вывел на чистую воду – нет числа»* [2]. Изобретена даже форма социальной провокации: «троллинг», понимаемый в среде интеллектуалов как оскорбление или издевательство над собеседником, и используется теперь с целью намеренной «затравки для большого разговора», как «способ зацепить и предложить обществу жить» по повестке дня самого телеведущего [7].

Взяв за императив нарочитое следование западным ценностям, журналисты подвергают их диверсификации. Так, активно продвигаемый принцип толерантности выражается в однозначно негативном значении – конформности, то есть «вынуждаемого (!) терпения». При этом подчеркивается исключительная польза такого состояния разобщенности: *«Я пытаюсь несколько расширить границы общественной терпимости. Это мне кажется очень важным, потому что когда люди привыкают терпеть меня или кого-нибудь другого несогласного и любой другой вариант ершистости, они от этого становятся толерантнее в целом»* [5, с. 78].

На смену ценности «бескорыстие» приходит такая антиценность, как стяжательство, которое варьируется от конформизма до циничного соглашательства. Проявлением этого могут быть откровения скандально известных журналистов Отара Кушанашвили и Леси Рябцевой. Причину своей творческой эмиграции в Киев Отар Кушанашвили объясняет так: *«А Киев – это, конечно, гонорары. Это посиделки в ресторанах, где мы записываем беседу. Это возможность моим детям ездить отдыхать. Я поехал в Киев из-за денег. Чтобы кормить детей, а не служить людям и искусству»* [16]. Такие ценности, как «открытие героя», «письмо по звало в дорогу», теперь приобретают смысл в контексте «преференций»: выбор амплуа нарушительницы общественного спокойствия, по мнению Леси Рябцевой, обусловлен тем, что *«взамен я получаю огромные преференции, кучу возможностей для реализации, профессионального и личного роста, знакомств и общения с людьми, которых я в своем возрасте в другой ситуации никогда бы не получила»* [22].

Но каноны профессии все же дают знать о себе и в кризисный период. На такие примеры эпатирующего де-гуманизма остро отреагировало журналистское сообщество. В противовес надвигающейся либерализации ценностей в профессиональной среде появилось негласное правило саморегулирования, выраженное в социокоде «нерукопожатность» как символе общественного порицания: *«Если журналист клеветал, выполнял чей-то заказ, то он становится "нерукопожатным"»*, – говорит директор Института региональной прессы А. А. Шароградская [20]. Рядом с еще пишущими, снимающими и вещающими журналистами «советской эпохи» встают журналисты «цифрового» поколения. Д. Соколов-Митрич, к примеру, так обосновывает формулу своего понимания профессионального долга: *«Настоящие журналисты – это дипломаты общественного согласия, а настоящая журналистика – затянувшиеся мирные переговоры»* [8]. В чем выражается такая дипломатия?

Для репортера М. Ахмедовой – в ассоциации с лозунгом, зарекомендовавшим себя в демократической Европе в качестве символа мировоззренческой самоидентификации: *«Когда я чувствую, что я – Донбасс, я еду на Донбасс и сижу под обстрелами вместе с его жителями, чтобы показать реальность»* [13]. Тележурналист М. Максимовская обращается к прецедентному тексту «сделка с совестью»: *«Когда был "Норд-ост", у нас тоже был эксклюзив, но давать его было нельзя... был еще выбор: закрывать ли лицо героя? брать ли интервью у убитой горем матери? какая должна быть интонация и выдавать ли непроверенную информацию? соглашаться ли придерживаться сюжета? Таких вопросов миллиарды. Бывают ситуации, когда ты можешь пойти на это соглашение ради профессии. В высоком смысле этого слова. На сделку с совестью ни я, ни мои коллеги не шли ни разу»* [12].

Более того, в противовес корифеям «новых» ценностей в профессиональной среде вызревают интенции следования «вечным» ценностям. *«От своих слов человек оправдывается, от своих слов и осудится, – этой христианской мудростью, прописанной в Священном Писании, объясняет журналист Аркадий Мамонтов свой принципиально честный подход к делу, – ...очень важное правило в журналистской жизни: от своих слов человек оправдывается, от своих слов и осудится. У нас много молодых людей, пришедших в журналистику, которые не понимают силы слова, и вольно с этой силой слова обращаются. ...Надо быть очень аккуратным в своих суждениях»* [11].

Неприятие антиценностей в большей степени, чем сообществу центральных СМИ, присуще региональным журналистам. Даже с учетом тенденции к сокращению сети региональных СМИ именно ценностная рефлексия журналистов провинциальной России представляет собой предмет для более глубокого понимания процессов трансформации социально-нравственных основ профессионализма.

Анализ текстов 27 интервью в журналах «Журналистика и медиарынок» и «Журналист» за период с 2009 по 2015 год показал, что в арсенале представлений региональных журналистов появляются ценностные доминанты, маркированные новыми артефактами и социокультурными феноменами. Экономическая нестабильность положения многих СМИ, их вынужденное участие в информационных противостояниях политических сил и местных элит выдвинули в качестве приоритета в презентации своей позиции несвойственный мирной прессе концепт «боец». Он точнее всего характеризует ценностную пирамиду их профессионального поведения в боях «местного значения».

Журналисты вынуждены «сражаться»: не только за свой статус и экономическое благополучие, но и за извечные ценности – за «правду и справедливость». Прецедентный феномен «солдат удачи» знаменует маркер поведения: *«Солдат удачи не выбирает маршрут и не объявляет войну – раз надо, он собирается и выходит в поход»* [4, с. 14]. Редактор газеты «Степной маяк» тоже обращается к прецедентному тексту из военной сферы – «с открытым забралом»: *«А теперь о самом главном – зачем нам потребовалось работать с открытым забралом, рискуя попасть под неудовольствие и местной власти, и потенциальных рекламодателей, порою высвечивая их в недобром свете? Да потому что в меняющемся мире информационных технологий быть газетой вчерашнего дня – смерти подобно»* [21, с. 27].

Наивысшей профессиональной ценностью провозглашаются ответственность и подотчетность местной аудитории, переданные в прецедентном тексте «вместе пуд соли съесть»: *«С кем-то и после написания статьи поддерживаешь отношения, перезваниваешься... Это радостная человеческая составляющая ... когда вместе съеден не один пуд соли, вообще расстаться трудно»* [19, с. 13].

Концепт «трудность» долженствования профессии становится смыслообразующим для региональных журналистов, а вербализация знака осуществляется на основе евангельской легенды: *«Что, на мой взгляд, значит для журналиста такая ниша? Прежде всего, это твой крест, который ты выбрал добровольно. Как бы ни было трудно, это твой выбор»* [Там же, с. 12]. Отчего и в моменты «самовопросания» о возможности уйти из профессии не предоставляют себе варианты выбора, так как он был сделан еще в начале: *«Иногда я говорю себе: "Все, лимит моих сил исчерпан. Брошу, уеду куда-нибудь! Гори оно все..." Но стоит вновь кому-то позволить или прийти со своими бедами, как ты – снова "во всеоружии" готов кого-то защищать»* [Там же, с. 14].

Стоит заметить, что региональные журналисты остаются верными представлениям о романтике профессии, продолжая идеализировать трудовые будни и подтверждая истину о журналистском труде как о радости и удовольствии: *«В поисках настоящего человека будьте готовы шагнуть в грязь»* [1, с. 17-18]; *«В деревню, в глушь? С удовольствием!»* [6, с. 12].

Непреложный для советской журналистики социокод «письмо позвало в дорогу» для регионалов по-прежнему актуален. Но зовёт в дорогу не жажда сенсации, журналисты мотивированы поиском решения социально-нравственных проблем. Прецедентный текст «сделать жизнь с кого?» выступает мотивом осмысления истории своего края: *«Духовные ориентиры замечательных людей, их опыт могут и должны стать опорой для тех, кто ныне раздумывает: сделать жизнь с кого? Сегодня необходимо побудить журналистское сообщество, читателей, подрастающее поколение обратиться к осмыслению истории своего края в уникальных характерах, поучительных судьбах и достойных России поступках»* [25, с. 34].

Прецедентный текст «слово не воробей» отвечает идейной интенции журналистов: речь идет о совестливости, которой нельзя поступаться: *«стараюсь писать зарисовки просто, понятно, образно и жарко, чтобы зажечь читателя, помня, что в моих руках слово – не воробей, оно Жар-птица»* [3, с. 143]. Концепты «диалог», «консенсус» становятся своеобразными маркерами ценности повседневной работы, чтобы *«быть лидером общественного диалога!»* [21, с. 25]. *«От ответных нападков чересчур разгневанных субъектов критики есть одна спасающая уловка – для таких материалов мы сделали клишированную рубрику "Диалоговая площадка «СМ»", в которой присутствует такая фраза: "Мы не устанавливаем истину в последней инстанции". Не согласен – пиши, опубликуем!»* [Там же, с. 26].

Журналисты успешно развивают новые формы коллективизма, которые по-новому встраиваются в идеологические и политические контексты обоснования своей деятельности. Расширяется комплекс знаков, семантические связанный с ценностями взаимопомощи и взаимодействия: *«...полузабытый бардовский девиз "Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке" обрел новую актуальность. Нынче можно (слава технологиям!) "всем миром скинуться" на любое благое дело. Причем "скинуться" оперативно – и не только деньгами (краудфандинг), но и "мозгами" вкуче с личным временем (краудсорсинг)»* [15, с. 24].

Таким образом, кросс-культурный анализ канонических и факультативных ценностных оснований мотивации профессиональной деятельности отечественных журналистов двух поколений позволяет сделать следующие выводы.

В системе социально-нравственных оснований профессионализма, которая складывалась за трехсотлетнее существование отечественной журналистики, в начале XXI века произошла своеобразная трансформация. Так, канонические профессиональные ценности «служения», «долга», «быть первым», проявляемые ранее в альтруистических мотивах самопожертвования, самоотдачи и вербализованные в социокодах «все для газеты, все для читателя», архетипе героя, прецедентных феноменах, сейчас подвергаются контаминации. Методом репрезентации в условиях конкурентной борьбы за аудиторию избирается самопрезентация журналиста, выражаемая в интенциональных категориях, заведомо негативных: «развести», «подставить», «потроллиить». Уже не скрывааемые прагматические мотивы выражаются в ценности стяжательства – «поехал из-за денег», а ценности «общения», «поиск героя» рассматриваются с позиции личных предпочтений. В этом случае очень удобно отстаивать тезис об отсутствии какого-либо социально-значимого долга перед обществом.

Борьба ценностных основ проявляется в новом номинировании социального предназначения. Если для новых коммуникаторов это толерантность как «вынуждаемое терпение», то для других неприятие такого негатива провозглашается в лозунге «быть дипломатом общественного согласия».

В целом же анализ вербализованных структур интенциональных мотивов поведения журналистов нового тысячелетия, зафиксированных в текстах интервью в специализированных изданиях, позволяет объединить их в блок базовых профессиональных, среди которых неизменными остаются ценности «долга», «служения», «правды», «справедливости», «бескорыстия», ценность «общения» с людьми, «удовольствие» от работы.

Региональными журналистами система профессиональных ценностей демонстрируется в новой маркированности архетипами и социокультурными феноменами. В ситуации рыночных отношений в медиаотрасли они становятся «бойцами сражений местного значения», заняты не только собственным выживанием, но и обеспечением общественного блага. Расширяется комплекс знаков, раскрывающих такие ценности, как «бескорыстие» и «взаимопомощь». В то же время в представлениях об этих ценностях, а главное – в их проявлении в творческой и поведенческой деятельности наблюдаются тенденции к изменениям её мотивации. Зачастую следование ценностным намерениям лишь провозглашается/номинаруется, однако в сущности за ними подразумеваются сугубо личностные смыслы, обусловленные появлением у журналистов новых функций: не только добыть и осмыслить информацию, но и выиграть в конкуренции за её продвижение в глубины коммуникационного пространства, осваивая при этом новые информационные технологии.

Дело в том, что в современном информационном пространстве оказалось задействованным несколько поколений журналистов: «романтиков» ещё советской эпохи, представителей новой генерации, появившихся на арене в 1990-х годах и ставящих своей целью извлечение прибыли из контактов с аудиторией, и коммуникантов, откровенно отвергающих всяческие традиции профессионального журналистского сообщества. И сфера ценностного самоопределения журналистов становится ареной противостояния большего, чем их извечное желание «быть первыми». Ответ на вопрос «Как быть при этом социально востребованными и честными?» раскрывает перспективы сохранности или же девальвации канонических ценностей журналистского должностования.

Список литературы

1. **Абрамова Е.** Мои компромиссы // Журналистика и медиарынок. 2009. № 10. С. 16-19.
2. **Александр Минкин** [Электронный ресурс] // Сноб. 2013. 10 апреля. URL: <https://snob.ru/profile/29530?v=1448635906> (дата обращения: 15.01.2016).
3. **Веселова Н.** Слово не воробей – оно – Жар-птица // Журналистика и медиарынок. 2013. № 07-08. С. 140-143.
4. **Гаджиева Л.** Кольцо наемника // Журналистика и медиарынок. 2010. № 2. С. 12-14.
5. **Горюнова И.** Современная русская литература: знаковые имена (статьи, рецензии, интервью). М.: Вест-Консалтинг, 2012. 162 с.
6. **Гулина Л.** В деревню, в глушь? С удовольствием! // Журналистика и медиарынок. 2015. № 09. С. 12-14.
7. **Дмитрий Киселев:** «Люблю потроллить» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gq.ru/taste/politics/82183_dmitriy_kiselev_lyublyu_potrollit.php (дата обращения: 21.12.2015).
8. **Дмитрий Соколов-Митрич:** Куда уходят журналисты [Электронный ресурс]. // Известия. 2015. 17 марта. URL: <http://vz.ru/columns/2015/3/17/734884.html> (дата обращения: 10.02.2016).
9. **Дридзе Т. М.** Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экوانтропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. М.: ИС РАН, 2000. Книга 1. С. 5-42.
10. **Корзун В. П.** Образы исторической науки на рубеже XIX-XX вв.: анализ отечественных историографических концепций. Омск – Екатеринбург: Изд-во Омск. ун-та; Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 226 с.
11. **Мамонтов: Русофобские СМИ должны быть закрыты** [Электронный ресурс] // Международная мониторинговая организация CIS-ЕМО. 2015. 13 ноября. URL: <http://www.cis-emo.net/ru/news/mamontov-rusofobskie-smi-dolzny-byt-zakryty> (дата обращения: 11.02.2016).
12. **Марианна Максимовская:** «Я надеюсь, вы заставите меня снова включать телевизор» [Электронный ресурс] URL: <http://gazeta-licey.ru/public/37735-marianna-maksimovskaya-ya-nadeyus-vyi-zastavite-menya-snova-vklyuchat-televizor> (дата обращения: 11.02.2016).
13. **Марина Ахмедова:** Я могу защищать только диктофоном [Электронный ресурс] // Эксперт. 2015. 18 марта. URL: <http://expert.ru/2015/03/18/marina-ahmedova-ya-mogu-zaschischat-tolko-diktofonom/> (дата обращения: 10.02.2016).
14. **Медиа-этос: ценности и «правила игры» регионального сообщества журналистов в координатах гражданского общества:** материалы экспертного опроса / отв. ред. В. И. Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 1999. 80 с.
15. **Никулина М.** С миру по нотке: как собирать истории тысяч // Журналистика и медиарынок. 2013. № 10. С. 24-28.
16. **Отар Кушанашвили** [Электронный ресурс] // Радиус города. 2012. 2 февраля. URL: <http://radiuscity.ru/otarkushanashvili/#ixzz3wuRvjA9Z> (дата обращения: 25.01.2016).
17. **Пасти С.** Российский журналист в контексте перемен. Медиа Санкт-Петербурга. Тампере: Tampere University Press, 2004. 294 с.
18. **Петров М. К.** Язык. Знак. Культура. М.: УРСС, 2004. 328 с.
19. **Пимкина Е.** Добровольный крест // Журналистика и медиарынок. 2012. № 1. С. 10-14.
20. **Принцип «нерукопожатности» вместо этической хартии** [Электронный ресурс] // LENIZDAT.RU. 2012. 21 ноября. URL: <https://lenizdat.ru/articles/1108017/> (дата обращения: 18.02.2016).
21. **Рубель С.** Миссия выполнима // Журналистика и медиарынок. 2010. № 12. С. 25-28.
22. **Русские медиа внутри. 25 лет «Эху Москвы»: кто такая Леся Рябцева** [Электронный ресурс] // Афиша Daily. 2015. 21 августа. URL: <http://daily.afisha.ru/archive/gorod/people/25-let-ehu-moskvy-kto-takaya-lesya-ryabceva/> (дата обращения: 17.01.2016).
23. **Соколов А. В.** Два поколения советской интеллигенции: шестидесятники и восьмидесятники // Мир России. 2007. № 3. С. 74-111.
24. **Точка возврата** / сост. О. Масленникова, Н. Новикова, В. Симагина, Г. Иванова. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. 332 с.
25. **Чудинова О.** Гордость земли Тверской // Журналист. 2015. № 4. С. 34-35.
26. **Шулинский И.** Я отработываю кармический долг перед Барнаулом [Электронный ресурс] // Барнаул.fm. 2014. 8 мая. URL: <http://barnaul.fm/2014/05/08/igor-shulinskij-ya-otrabyvayu-karmicheskij-dolg-pered-barnaulom> (дата обращения: 17.01.2016).

**VERBALIZATION OF VALUE MOTIVATION
OF THE MODERN RUSSIAN JOURNALIST'S PROFESSIONAL ACTIVITY**

Mezentseva Alena Vladimirovna
Altai State University
mezentseva-a@inbox.ru

The article examines the verbalization of the value dominants of the professional activity of two generations of modern Russian journalists. Analyzing journalists' basic intentions phenomena from the semio-socio-psychological viewpoint allows identifying the canonical/optional value foundations of the journalistic profession. The author argues that the sphere of journalists' value self-identification becomes a ground for confrontation between social obligation and the profession.

Key words and phrases: intention; socio-code; semio-socio-psychology; cross-cultural analysis; obligation; basic and optional values.

УДК 821.512.157 Неймохов. 06

В статье подчеркнут богатый жизненный опыт писателя, обусловивший многообразие тематики его произведений, интенсивность жанровых исканий. Выделены повести: социально-психологическая, очерковая, детективная, биографическая, выявлены своеобразие пейзажных описаний, психологизм. Особое внимание уделено жанру романа в творчестве писателя. Как духовная биография целого поколения представлен роман «Алампа». Выявлено, что это произведение не только историческое, но и философское, оно пронизано раздумьями о предназначении человека, о судьбе народа. Как основной прием психологического анализа рассмотрен внутренний монолог, помогающий изнутри раскрыть многогранность натуры героя. Сделан вывод о том, что Е. Неймохов сумел создать реалистически полнокровный, психологически проникновенный роман о судьбе целого поколения, продолжив лучшие традиции якутского классического романа.

Ключевые слова и фразы: народный писатель; литературное творчество; тематика; жанровые искания; исторический, философский роман; психологизм; традиции.

Мыреева Анастасия Никитична, д. филол. н., доцент
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
anastmureeva@yandex.ru

ТВОРЧЕСТВО Е. П. НЕЙМОХОВА

Народный писатель Якутии, заслуженный работник культуры республики, Е. П. Неймохов родился 30 марта 1950 года в с. Мегино-Алдан Томпонского улуса в семье колхозника. В 1973 году окончил историко-филологический факультет ЯГУ.

Будущий писатель многие годы посвятил журналистской деятельности. Он был корреспондентом газеты «Эдэр коммунист», заведующим отделом и заместителем главного редактора журнала «Хотугу сулус», главным редактором журналов «Аргыс» и «Айсберг», редактором отдела писем газеты «Саха сирэ». Также он работал лаборантом в ИЯЛИ, инструктором отдела культуры ОК КПСС, ответственным секретарем по государственным наградам при Президенте Республики Саха (Якутия), советником в Постоянном представительстве республики в г. Санкт-Петербурге, доцентом кафедры якутской литературы ЯГУ.

Богатый жизненный опыт определил многообразие тематики, интенсивность жанровых поисков в творчестве писателя. Как один из ведущих прозаиков в современной якутской литературе Е. П. Неймохов развивает все основные жанры прозы: очерк, рассказ, повесть, роман.

Первый рассказ молодого автора «Весенний день в Сергеляхе» / «Сэргэлээххэ сааскы күн» вышел в 1975 году в газете «Эдэр коммунист». В последующие годы писатель плодотворно осваивает жанр повести в разных его разновидностях: социально-психологической, очерковой, детективной биографической и т.п.

Известность принесла социально-психологическая повесть «Схватка» / «Хапсыһыы» (1983) [9], которая была удостоена премии Якутского комсомола. Произведение о якутских спортсменах-борцах свидетельствовало о зрелости таланта писателя, о его умении показать черты времени в неповторимых характерах. Герой повести Гриша Бусхатов, недавний выпускник сельской школы, сумевший подняться на олимпийский пьедестал, размышляет о том, что схватка идет не только на спортивном ковре, но и в жизни, где настоящая «схватка» определяет нравственное формирование личности. Повесть овеяна лирическим дыханием картин родной природы, воссоздаваемых в пейзажных описаниях.

Атмосфера времени незримо присутствует и в других повестях писателя: «Взлет» (1986) [7], «Случай на озере Сайсары» (1988) [8], «Крик» (1992) [10], в документальных повестях о Д. П. Коркине и М. К. Гавриловой и др. В центре внимания – представители якутской интеллигенции, люди творческого труда.

Творчество как высшее состояние человеческого духа показано в повести «Взлет», показывающей мастерство оперной певицы Антонида Долгуновой, сумевшей добиться победы на международном конкурсе вокалистов.

Антонида мечтает волновать своим творчеством души людей, вдохновлять их. Сам творческий процесс описан следующим образом: «Неописуемое чувство счастья охватило ее, волшебная сила песни оторвала ее от простых земных забот, от ее радостей и горестей, легко вознесла ее высоко-высоко» (*перевод автора – А. М.*) [7, с. 199].